

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

к н и г и

Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Монреальский синдром

Гатака

Атомка

Головоломка

Сновидение

ФРАНК ТИЛЬЕ

СНОВИДЕНИЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Franck Thilliez

REVER

Copyright © 2016, Fleuve Éditions, Département d'Univers Poche

Перевод с французского Нины Хотинской

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-11708-2

© Н. Хотинская, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Дорогой читатель!

Чтение триллера — это путешествие, сотканное из открытий, ощущений, эмоций, которое уведет вас далеко на обширные территории саспенса и страха. На этих землях, теперь хорошо мне знакомых, я буду вашим проводником. Предупреждаю: это путешествие и во времени. Невероятная история Абигэль Дюрнан колеблется, подобно стрелке, между декабрем 2014 и июнем 2015 года, а значит, будут чередоваться главы об этих двух периодах. Прошу учесть ценные указания, расположенные, как правило, в начале каждой главы, они очень важны для того, чтобы все прошло в наилучших условиях. Черная стрелка укажет вам момент, когда разворачивается действие.

Вы хорошо снарядились? Никто не тревожит, свет горит, легкая музыка звуковым фоном, почему бы нет? Итак, приготовьтесь погрузиться вместе с Абигэль в самые темные тайники человеческого разума.

ПРОЛОГ

Дрожащей рукой Абигэль Дюрнан выбила из пачки «Мальборо» сигарету и сунула в рот. Щелчок зажигалки «Зиппо» завладел ее вниманием. Она не курила, но научилась видеть, слушать, ощущать, как никто другой, и на этот раз снова каждая мельчайшая деталь окружения наполнялась смыслом.

Вокруг нее горела заброшенная сортировочно-промывочная станция. Красные языки пламени метались, как десятки чертей, вдоль грязных стен. Они с хрустом пожирали изношенные балки, жонглировали раскаленными углями, выплевывали клубы черного дыма. Не было возможности спуститься по пылающей лестнице и не существовало никакого другого выхода. Абигэль оказалась в западне, на высоте больше пятнадцати метров среди пустоши, и никто не мог услышать ее криков. Скоро она сгорит заживо.

Она залюбовалась формой этих оголодавших языков, их цветом, извилистым и изящным танцем, который они исполняли. Они казались ей такими реальными, такими живыми и трудновоспроизводимыми. Как мог ее рассудок создать их с такой точностью? Совершенно невозможно.

Абигэль закатала рукав свитера, открыв правое предплечье, на котором темнели следы от иглы и, главное, пять бурых кружков. Сморщенные кратеры, глубокие, похожие на свищи. Каждый из этих ожогов сигаретой вел ее к последней встрече, помогал найти дорогу, подсказка за подсказкой, как белые камешки Мальчика-с-пальчика. Но, не в пример сказке Перро, эта история грозила кончиться плохо.

Ответы крылись где-то в этих стенах. Нужен был последний шрам, чтобы покончить с этим раз и навсегда. Укусам огня на ее плоти можно было верить, так же как и странным татуировкам, спрятанным одна под другой на внутренней стороне ее левого бедра, за которые она цеплялась всякий раз, когда ее одолевало сомнение.

*Кто такой Джош Хейман?
Отыскать демонов ДжХ
ДжХ близко знает Леа и Артура. Откуда?
Леа должна была быть четвертой*

Рухнула балка, вызвав дьявольский хохот. Дерево трещало, здание скрипело сверху донизу и готово было упасть, сжаться, точно обугленная рука. Пора было с этим кончать. Абигэль с силой затянулась, кончик сигареты заалел. Она поднесла его к запястью и нашла местечко между следами иглы и прежними ожогами.

Если больно не будет, значит ничего этого никогда не было. Абигэль не проснулась сегодня утром в крови, с изрезанным животом. Она не в горячей промывочной, а лежит в своей постели, свернувшись под одеялом, и видит невероятно подробный сон. Положительный момент: она не сгорит, как дрянная тряпичная кукла.

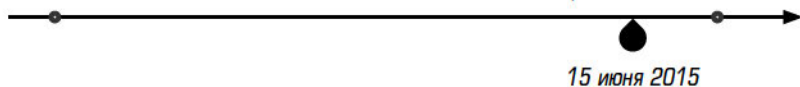
А вот если будет больно, значит Абигэль столкнулась с чем-то невозможным. С парадоксом, связанным с ее автомобильной аварией и мрачными тайнами, которые скрывал ее отец.

Что же это — горящая промывочная или сон о горящей промывочной?

Проворный огонь разгорался все ярче, она, глубоко вдохнув, зажмурилась и, как делала это уже пять раз за последние дни, раздавила пламенеющий кончик о свою руку.

5 декабря 2014
АВАРИЯ

24 июня 2015
ГОРЯЩАЯ ПРОМЫВочНАЯ

*Девятью днями раньше.
Дневник снов Абигэль Дюрнан*

Сон № 297, 15 июня 2015 г.

Мой отец всегда говорил, что можно двояко смотреть на деревянный поддон. Можно просто как на деревянный поддон. А можно — как на результат гения наркоторговцев: то, что мозг воспринимает как знакомую и необходимую для транспортировки вещь, оказывается десятью килограммами кокаина, которому талантливые химики придали запах, вид, структуру деревянного поддона. Вот почему контрабанду наркотиков так трудно пресечь. В окружающих нас вещах, таких привычных и очевидных, мы просто не в состоянии их разглядеть.

А мне бы все-таки хотелось сказать отцу, что человеческий мозг куда изощреннее в области снов, чем в наркоторговле. В самом деле, он заставляет нас верить, что сон реален, и когда нас преследует динозавр. Во сне мозг постоянно попадает в собственную ловушку, силясь противостоять уловкам даже самого распоследнего картезианца. И Эйнштейн, и Ньютон, и Декарт однажды поверили, что могут прыгнуть с высокого утеса и полететь. И они это сделали.

Для большинства людей сон кончается с пробуждением. Но мне различать сон и реальность становится с каждым днем все сложнее. Да, в последнее время даже наяву я должна постоянно убеж-

даться, что не сплю. Быть уверенной: то, что видят мои глаза и слышат уши, РЕАЛЬНО.

С тех пор как «это» усугубилось, я всегда ношу при себе иглу. И когда задаюсь вопросом: «Сплю я или нет?», втыкаю острие этой иглы в кожу. Во сне у меня никогда не идет кровь, это я давно поняла. Это как бы щель в моем подсознании: если я уколюсь и пойдет кровь, значит я в реальности, а не сплю. Разумеется, мне никогда не приходит в голову уколоть себя во сне, и поэтому я не знаю, что это сон, вот в чем вся загвоздка. Здесь, в реальности, мои руки все в точках от уколов.

Все это похоже на речи сумасшедшей, но я не сумасшедшая, поверьте. Потому что сумасшедший не создавал бы всего этого.

Сейчас 5:08 утра, я только что укололась, и капелька крови выступает на моем большом пальце, течет, падает на письменный стол. Таким образом, я знаю, когда пишу эти строки, что действительно проснулась, и вполне сознаю, что делаю.

Я в реальности. Это важно для дальнейшего.

Реальность, реальность, реальность, реаль...

У нее отказала ручка, вот так, вдруг. Абигэль научилась не доверять случайностям, совпадениям: в ее снах их было предостаточно. Она вгляделась в капельку крови на столе, потрогала, понюхала. Медный запах, консистенция, цвет... Не может быть, что она еще спит.

Удостоверившись, она в свете маленькой лампочки достала из ящика другую ручку и продолжила свой рассказ.

Перейдем ко сну, который я только что видела: я стою в комнате моей дочери Леа, рядом с большой пустой кроватью. Простыни смяты. Деревянный вентилятор вращается над моей головой. В кружении лопастей дугой вырисовывается надпись: «Жемчужинка Любви». Это ласковое прозвище Леа, которое она так ненавидела.

Напротив меня трое детей держатся за руки посреди комнаты и водят хоровод, распевая песенку «Оборотень»:

*Мне говорят, я это сочиняю,
Мне говорят, я голову теряю,
Он под кроватью у меня, я знаю,
И до утра, боюсь, мне не дожить.*

Дети перепуганы, их голоса дрожат, они поют и кружатся очень быстро (не так быстро, как вентилятор, но почти), успокаивая себя. На меня они не обращают внимания. Я узнаю Алису, Виктора и Артура, похищенных детей. На Артуре футболка сборной Франции с номером 9. Да, и на этот раз тоже все пропавшие дети в той одежде, в которой были в день похищения.

Не хватает четвертого ребенка — похищенной девочки с длинными светлыми волосами, как у моей дочери; ее имени так никто

и не знает, в жандармерии ее называют Золушкой, — и я знаю, где она прячется. Я нагибаюсь и нахожу ее скорчившейся под кроватью. И на этот раз тоже у нее нет лица. Как будто ее черты скрыты под плотным чулком. Вид жуткий.

Золушка прижимает к груди черного плюшевого котенка моей дочери. Уже не в первый раз она крадет вещи Леа (ср. сны 232, 216, 198 и 181 из самых последних). Она агрессивна, и я, зная ее реакции — сколько раз они мне снились, — предпочитаю ее не провоцировать. Я встаю. Дети исчезли, но их голоса продолжают петь «Оборотня»:

*Каждую ночь мне не уснуть,
Каждую ночь мне страшно, аж жуть...*

По-прежнему во сне я выхожу из комнаты в моем бывшем доме в Эллеме и вдруг оказываюсь здесь, в гостиной лилльской квартиры моего друга Фредерика. Я направляюсь к стулу, на котором сижу сейчас. Достая из ящика стола тетрадь, в которой сейчас пишу, открываю ее и начинаю записывать череду букв. Я помню ее начало: «Puellainferus». Дальше вспомнить не могу.

Я пишу (по-прежнему во сне) и чувствую вокруг себя вибрацию, смотрю на люстру — она качается взад-вперед, лампочка то загорается, то гаснет, как будто происходят микрозамыкания. Это знаки: приближается ТА САМАЯ машина, смертельная авария неминуема, и я паникую. В каждом новом кошмаре, где присутствует черный седан с неработающей левой передней фарой, крепнет опыт моих предыдущих снов. Теперь я знаю, что, где бы я ни пряталась, отцовская машина все равно наедет на меня. Авария и моя смерть неизбежны.

Как правило, когда мной овладевают острые эмоции, например сильный страх, я падаю на землю и не могу пошевелиться (катаплексия). Это происходит со мной и в снах. Но на сей раз я жду, быстро кружась на месте посреди комнаты: я говорю себе, что отец, откуда бы он ни появился, узнает меня на этот раз и, может быть, не станет убивать. И тогда он расскажет мне, что на самом деле произошло в ночь на 6 декабря 2014-го, почти полгода назад. В ночь, когда разбилась моя жизнь.

Но кружиться становится все труднее, я смотрю на свои ноги, которые на глазах превращаются в корни и не дают мне двигаться.

ся. Из рук вырастают ветви, я превращаюсь в дерево. Мои губы врастают в ствол, я уже не могу крикнуть. Седан мчится, светя фарами, все быстрее прямо на меня. Сквозь ветровое стекло я вижу широкую улыбку отца.

Конец сна. Я проснулась с болью в сердце — так быстро и сильно оно колотилось. Не знаю, сколько времени я пролежала в постели, не двигаясь и говоря себе, что все это было только сном.

ЧТО ЭТО НЕ БЫЛО РЕАЛЬНЫМ!

Фред лежал, отвернувшись к стене, я не стала его будить. Я встала и пошла сюда, в кабинет, чтобы записать этот кошмар. Открыла тетрадь на предыдущем сне, 296-м, и приготовилась занести в нее все это.

И тут я остановилась. На этой чистой странице было написано моим почерком:

«puellainferussalutantvos».

Я узнала начало (*puellainferus*), которое записала в этой самой тетради во сне. Вот тут-то я и уколола палец. Хотела убедиться, что это уже не сон. Потекла кровь, а буквы по-прежнему были здесь, передо мной, вполне реальные. Я знала, что это невозможно, и все же... Неужели я встала во сне, в полузабытии, и записала это послание? Приступ сомнамбулизма?

Я всмотрелась в эту надпись внимательнее и вздрогнула: она мне о чем-то говорила. Я сосчитала буквы. Их было двадцать четыре.

Двадцать четыре... Число, выжженное каленым железом в моей голове, из-за дела Фредди. Месяца два назад жандармы нашли одного из похищенных детей (единственного на сегодняшний день). Похититель вытатуировал двадцать четыре буквы по всему его телу, с головы до ног. Похоже, человек, которого мы разыскиваем, хотел оставить нам послание через посредство этого ребенка, но как мы ни ломали голову, так и не поняли смысла этих двадцати четырех букв. Они наверняка складывались в код, во фразу, но какую?

И вот, обнаружив сегодня утром эти буквы в моей тетради, я посмотрела на фотографии, прикрепленные к пробковой доске надо мной. Особенно внимательно — на снимки спасенного мальчугана, сделанные врачом; я скрупулезно сравнила каждую из двадцати

четырёх букв на его руках, ногах, спине, затылке с теми, что я записала в тетради: они оказались идентичны. В другом порядке, конечно, но идентичны.

Я перечитала буквы, записанные на странице моего дневника. Из амальгамы букв, казалось, проступили слова: *inferus, salutant...* Латынь, язык, который я учила в школе.

С помощью Интернета, разделив буквы в нужных местах, я получила фразу, и меня чуть не вывернуло, когда я ее перевела. Загадка двухмесячной давности, вытатуированная на теле похищенного ребенка, нашла свое решение самым странным образом. Через сон.

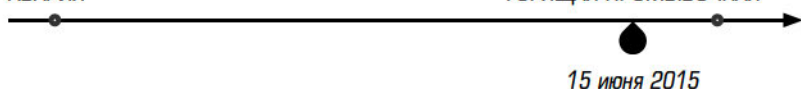
Фредди, злодей-похититель, за которым мы гоняемся уже больше года, оставил нам любопытнейшее послание. И мне кажется, что это намек на девочку из моих кошмаров.

«Puella inferus salutant vos»

«Девочка без лица приветствует вас».

5 декабря 2014
АВАРИЯ

24 июня 2015
ГОРЯЩАЯ ПРОМЫВочНАЯ

— Кто такой Фредди?

Психолог Абигэль Дюрнан стояла в бывшей сестринской комнате психиатрической больницы Байеля перед командой из десяти жандармов, сидевших вокруг стола. Для этой речи, которой ждали все, она оделась соответственно: кремовая блузка, светло-серый костюм, шарфик в тон и удобные лодочки на устойчивом каблуке.

Перед участниками лежало досье — четыре десятка скрепленных страниц. Через маленькое овальное окошко Абигэль могла видеть свою дочь, которая, сидя на койке в бывшей палате, набирала что-то на планшете. Эта временная «казарма», разумеется, не была идеальным местом для тринадцатилетнего подростка, но Абигэль обещала после совещания повезти ее в Лилль пройтись по магазинам. В довершение всего при пожаре сгорела часть помещений настоящей казармы жандармерии — самой большой на севере Франции, — и больше трети личного состава, всего четыреста жандармов, вынуждены были несколько месяцев назад перебраться в эту пребывавшую в запустении бывшую психиатрическую лечебницу, которую они называли Безумной Вдовушкой.

— Я передала каждому из вас наиболее полный итог моих недавних анализов. Как вам известно, здесь учтены последние

данные, полученные при внимательнейшем чтении криминальных досье, прослушивании магнитофонных записей, просмотре фотографий и всех важных элементов, имеющих отношение к делу Фредди. Этот новый синтез вырабатывался долго, прошу прощения, но дело имеет исключительный характер, и я не хотела упустить ни единой детали. Я изложу вам устно краткое резюме этого документа, который прошу вас, разумеется, прочесть как можно скорее.

Психолог переглянулась с жандармом Фредериком Мандрие — лицо словно гипсовая маска и свинцовые круги под глазами. После этих трудных и бесплодных месяцев сыщики из отдела розыска, приданные команде «Чудо-51», маялись настоящим похмельем. Этот тип, по прозвищу Фредди, задал им задачу.

— Всегда полезно припомнить факты, — продолжала Абибель, не понижая тона. — На сегодняшний день, пятое декабря две тысячи четырнадцатого года, похищены трое детей. Алиса, Виктор и Артур исчезли в порядке перечисления. Алиса Мюзье, четырнадцати лет, — первая жертва. Девочка из семьи среднего класса, пропала в Ретеле, маленьком городке на Марне, километрах в двадцати от Реймса, второго марта две тысячи четырнадцатого года, девять месяцев тому назад, между автобусной остановкой и своим домом, находящимся всего в шестистах метрах...

Девять месяцев... вот уже девять месяцев это дело не сходило со страниц газет и будоражило общественное мнение. *Мать-природа родила монстра*, подумал капитан жандармерии Патрик Лемуан, руководитель расследования, крутя обручальное кольцо на пальце.

— ...Есть свидетель, утверждающий, что видел, как девочка разговаривала с мужчиной в каскетке и сером комбинезоне, вроде униформы «Электрисите де Франс», рядом с парковкой у почты, которую Алиса пересекала всякий раз, возвращаясь из танцевальной школы. Свидетельство расплывчато из-за темноты и расстояния, но сопоставление с двумя после-

дующими похищениями ясно указывает, что Фредди — белый мужчина, ростом около метра восьмидесяти, ему от тридцати до пятидесяти лет. Лично я склоняюсь скорее к тридцати-сорока по причинам, ясно изложенным в отчете. Фредди переодевается, гримируется, иногда носит бороду, длинные волосы, иногда — вязаную шапку, очки, шарф, что не позволяет нам получить достоверное описание. В документе вы найдете и другие детали, но по большей части вы их уже знаете. Очень важный факт: мы располагаем его генетическим профилем, который отсутствует в Национальной электронной картотеке генетических отпечатков. А вот отпечатков пальцев нет, он наверняка действует в перчатках, имеет также в своем распоряжении форменную одежду служащего «Электрисите де Франс» и почты. За неимением свидетельств мы не смогли установить тип машины, на которой он ездит.

Завибрировал ее мобильный телефон. Она достала его из кармана, с удивлением обнаружила, что на разбитом экране высветилось «Папа», переключила его в режим ожидания и положила на стол, разволновавшись. От отца, живущего в трехстах с лишним километрах, она не имела никаких вестей вот уже несколько месяцев. Почему он вдруг позвонил? Она постаралась сосредоточиться на своей речи.

— Далее... Виктор Кодиаль, тринадцати лет. Единственный сын матери-кассириши и неизвестного отца, был похищен в Амбуазе, близ Тура, седьмого июня две тысячи четырнадцатого, через три месяца, стало быть, после Алисы. В среду вечером, из дому. Мать всегда оставляет его одного в этот день, чтобы сходить в кино с подругой. Взлома не было, но мебель в гостиной опрокинута: Фредди вошел, Виктор тщетно отбивался, сумев, однако, ранить непрошеного гостя. Так мы смогли получить неизвестную ДНК из крови, не принадлежащей Виктору. При анализе профиля на «Фейсбуке» обнаружена переписка между мальчиком и некой Жюстин Куаффар, якобы тринадцатилетней девочкой...

Абигэль переглянулась с жандармом Жизель Терье, без пяти минут пенсионеркой, единственной женщиной среди сы-

щиков. Женственность ее была, правда, относительной. С высоким лбом и глубоко посаженными глазами, она напоминала изваяние с острова Пасхи. Жизель открыла контакты мальчика и разрабатывала след в соцсетях. Они с Абигэль ценили друг друга и часто работали вместе.

— ...Мы также обнаружили след похитителя под личиной некоего Грега Паччарелли на странице «Фейсбука» первой жертвы, Алисы. В Интернете Фредди смог собрать множество сведений о повседневной жизни этих детей, узнать их привычки. Похищая Виктора из дому, он знал, что никто ему не помешает. Он знал также, что в пятницу вечером Алиса возвращается с уроков танца с подружкой, но девочки расстаются за несколько кварталов до своих домов и что Алиса идет домой через пресловутую парковку.

Она подошла к висевшей на стене большой карте Франции и показала карандашом несколько мест. Два десятка пар глаз пожирали ее. На нее смотрели, как на ключ, который откроет сейф. А она не была ключом, скорее сверлом дрели. Да, это был ее талант — вскрывать сейфы человеческого рассудка, самые замысловатые, в которые трудно проникнуть. В данном случае — преступные.

— Маленький городок близ Реймса — Алиса, Амбуаз — Виктор и Нант — Артур, третья жертва. Мальчик пропал, когда ехал на велосипеде на тренировку по футболу. На «Фейсбуке» его нет, слишком мал, у него был только планшет, подключенный к Интернету, в котором мы не обнаружили никаких следов вторжения Фредди. Между городами большие расстояния, семьи разного социального статуса и достатка.

— Судя по данным, которыми мы располагаем, дети не были знакомы, мы всех опросили, — вставил Фредерик Мандрие. — В школах, в летних лагерях, в разных клубах...

Абигэль поправила шарфик на шее, чтобы не было видно маленького круглого шрама, похожего на след от раскаленной добела стальной трубки, если прижать ее к коже, точно под кадыком. Что-то вроде гипнотического третьего глаза.

— Мы называли его Фредди — отсылка к оборотню Фредди Крюгеру из фильма¹, злодею, пугающему детей по ночам. Все трое детей были похищены с наступлением темноты. Но главное — эти исчезновения являются лишь первым этапом криминального процесса, тесно связанного с миром этого оборотня. Вскоре после каждого похищения Фредди потчует нас зловещей мизансценой в лесу на севере Франции.

Она ткнула ручкой в одно из мест на карте.

— Он делает что-то вроде чучела, прибитого к дереву, используя одежду жертвы, вплоть до ботинок. Эта одежда изорвана когтями — вспомните металлическую перчатку Фредди Крюгера — и испачкана кровью ее владельца, но очень своеобразно, как если бы наш человек размахивал кистью, смоченной в крови, и капли попадали бы на одежду.

Она изобразила жест.

— Вот так... Вопреки видимости, я полагаю, что действует он никоим образом не в порыве гнева. Речь идет, скорее, о мизансцене. На двух найденных чучелах количество разрывов от когтей в целом одинаково, расположение капель идентично. Жест механический, повторяющийся, лишенный всяких эмоций: наш человек умеет владеть собой. Еще одна характерная черта этих чучел — к голове, сделанной из полотняного мешка, приклеены волосы только что похищенного ребенка. На этой голове похититель рисует черным маркером жуткое лицо. Большие глаза в форме звезд, длинные зубы, нос крючком...

— Зачем он это делает? — спросил Фредерик Мандрие. — Я хочу сказать, это чучело, прибитое к дереву.

— Во-первых, это избавляет его от необходимости предъявлять трупы, он сеет сомнение, создавая кошмарную сцену, похожую на подлинную сцену преступления. «Дети у меня, а вот живы они или мертвы?» Речь идет о власти, о доминировании. Поставьте себя на место родителей, вообразите их

¹ Речь идет о культовом фильме ужасов «Кошмар на улице Вязов» режиссера Уэса Крейвена об оборотне Фредди Крюгере. (Здесь и далее примеч. перев.)

страдания, когда они видят на фотографиях одежду своих детей, изрезанную ножом и испачканную их кровью. Эти семьи претерпевают невообразимые муки. Алиса пропала девять месяцев назад, и вы могли убедиться еще совсем недавно, в каком психологическом состоянии ее мать...

Патрик Лемуан виделся с бедной женщиной, ставшей тенью своей тени. В случаях исчезновения родители жертв переставали спать, выгорали изнутри, чахли. Иные готовы были все отдать, чтобы выяснить правду, и даже предпочли бы столкнуться с худшим, лишь бы знать. Надежда и уходящее время подтачивали их.

— Фредди забавляется, он дразнит, — продолжала психолог, подняв палец. — Он не дает ни малейшей информации о том, живы дети или нет. «Все решаю я, в моей власти жизнь и смерть детей. Как оборотень, я тот, кто пришел за ними с наступлением ночи, и вы ничего не смогли поделать. Вы в ответе, а я — я властвую над вами...» Делая это чучело, он создает гибридное, лишённое индивидуальности существо, полумонстра-получеловека, персонажа из кошмаров, гермафродита, который может свидетельствовать о сексуальной ориентации, например гомосексуальности или бисексуальности.

Тишина царила под сводами Безумной Вдовушки. Абигэль хотела продолжить, но не смогла сдержать зевок. Она выпила глоток воды, чтобы скрыть внезапное недомогание, но жандармы переглянулись весьма красноречиво. Часто работая с ней, они знали, что сон очень скоро уведет ее к своим темным берегам. Абигэль была уверена, что они уже мысленно держат пари: когда она уснет? Через тридцать секунд? Через две минуты, через пять?

Она еще держала фасон, следя, чтобы ни в коем случае не ослабевало внимание.

— Свидетельства, касающиеся нашего преступника, порой расходятся: Фредди переодевается, конечно, чтобы остаться незамеченным, но, возможно, еще и потому, что ему неуютно в своей шкуре. Он не приемлет своего статуса, отрицает его, он

наверняка считает себя неприспособленным к жизни в обществе. Этот гнев на нарисованном лице может быть отражением его собственного детства. Он тоже родился от отца и матери, но, возможно, не имел семьи в аффективном смысле этого слова, в отличие от его жертв. Как бы то ни было, я думаю, что он получил тяжелую травму в ранней юности. Одиночество, дурное обращение... Вспомните кровь и следы ногтей. С этим чувелом он открывает нам интимную часть своей личности, грань своего лица... По всем этим причинам я думаю, что он действует один. Его искания — дело слишком личное, оно не касается никого, кроме него. Оно затрагивает самые сокровенные глубины его понятия о человеческом существе.

Снова зевок, едва не свернувший челюсть. На сей раз Абигэль почувствовала глубокое оцепенение до самых кончиков пальцев. И надо же было ножу гильотины упасть сейчас, посреди совещания.

— Прошу прощения, но мне придется опустить ненадолго занавес.

Она увидела, как один из жандармов незаметно глянул на часы и улыбнулся. Он, надо полагать, выиграл пари.

— Очень кстати, — сказал Лемуан, вставая. — Сделаем перерыв и выкурим пока сигаретку-другую.

Абигэль кипела от гнева, но не показала этого. Поставила крестик в своих записях, скупно поблагодарила и извинилась перед этим концентратом тестостерона. Быстрым шагом покидая комнату, она злилась на свое непослушное тело, на эту окаянную сонную болезнь. Почему это случилось прямо посреди ее выступления? Почему в самый важный момент ее последних недель работы?

Она поспешно уединилась в палате, закрыла дверь, легла на старый матрас, глядя в потолок, скрестив на груди руки, в позе трупа в гробу. Безумная Вдовушка дала ей кров. Могло быть хуже: по крайней мере, она в кровати, а не посреди супермаркета и не прячется в туалете своего кабинета, в то время как в кресле ждет пациент.

Не успела она смежить веки, как ее накрыло огромным черным покрывалом. Всегда та же непроницаемая ткань, давящая на лицо, то же ощущение удушья на какую-то долю секунды — и тут же расслабилась диафрагма, и ее дыхание почти мгновенно перешло в автоматический режим.

Секундой позже она отключилась, погрузившись в парадоксальный сон, полный грез и кошмаров.

Она вернулась в группу двенадцать минут спустя, подзарядив батареи и поправив воротничок блузки. Жандармы были в курсе ее нарколепсии. Они знали, что иногда Абигэль требуется уединиться, чтобы отдохнуть, и всегда поражались тому, с какой быстротой ее окутывал сон. Как будто выключали из розетки работающий пылесос.

Они знали также, что ее болезнь и медикаментозное лечение, смягчающее ее последствия, стирали ее самые давние воспоминания — на данный момент о детстве, — но никак не сказывались на умственных способностях. За три года Абигэль помогла им распутать шесть дел об исчезновениях и убийствах. Иные зубоскалы говорили, что разгадка является ей во сне, но она просто хорошо делала свою работу, ничего не упуская. В отделе розыска ее прозвали Цеце.

Она заглянула в записи, увидела крестик, вспомнила последние фразы.

— Так... К сожалению, лица Фредди я во сне не увидела, понадобится еще несколько снест.

Раздался смех. Разговоры смолкли, и она снова завладела вниманием сыщиков.

— Вернемся к серьезным делам. Итак, мы говорили о причинах создания этого чучела. Оно еще и проекция похищенного ребенка. Преступник нападает на это сооружение из соломы и одежды, терзает когтями и пропитывает кровью. Через него он показывает нам свой гнев и решимость. Он провоцирует нас, хочет напугать. Вот почему я думаю, что дети еще живы. Но разумеется, прошу вас принять эту информацию со всеми необходимыми оговорками.

— Все трое детей, говоришь? — отозвался Лемуан. — Даже первая пропавшая, Алиса?

— По всей вероятности... Иначе он наверняка предъявил бы нам тела. Зачем бы ему их прятать и показывать нам чучела?

Это была, наверно, хорошая новость, но она лишь усугубила чувство бессилия у команды.

— Это не обычный преступник, его нет в картотеке ДНК, и поэтому он вряд ли когда-либо сталкивался с правосудием, даже за мелкие нарушения, что и делает его неуловимым. Он такой же, как вы и я. Пока он не выполнил первую часть своей миссии, не дошел до счета «четыре», как сообщил нам в своем письме, он сохранит этим детям жизнь. Ему нужны четверо детей, прежде чем перейти к следующему этапу. Если считать правдой адресованное нам послание, ему осталось похитить одного.

Патрик Лемуан встал и направился к кофеварке. Он наполнил стаканчики.

— Живы, черт побери!

— Со всеми оговорками, повторяю. Но предпочитаю, чтобы вы знали досконально ход моей мысли.

Патрик не первый день служил в жандармерии, но такого даже вообразить не мог. Отыгрываться на детях значило нарушить все правила, делающие нас людьми. Какую участь этот хищник уготовил своим маленьким жертвам? Патрик раздал всем кофе. Многочисленные окурки, раздавленные в картонной тарелке, походили на мертвых мух. Да и все было здесь мертво: стены, палаты, коридоры... Безумная Вдовушка догнивала изнутри.

— Что будем делать с родителями? — спросил Фредерик Мандрие. — Сообщим им, что есть вероятность...

— Нет, — оборвал его Патрик Лемуан. — Этот новый профиль должен оставаться сугубо конфиденциальным, и мы пока ни в чем не уверены. Я не хочу подавать им ложную надежду. Нет ничего хуже, чем... В общем, нет ничего хуже.

Он встал и тоже подошел к карте. Всмотрелся в места, которые знал наизусть.

— Прошло почти девяносто дней с похищения последнего мальчика, Артура, — произнес он. — Велика вероятность, что мы найдем новое чучело очень скоро, на этой неделе или на следующей. И столкнемся с последним исчезновением. Итого будет четыре. Четверо испарившихся детей. Контракт Фредди выполнен. А что дальше? На следующем этапе?

Сыщики были склонны забывать, что Абигэль не волшебница и не ясновидящая и что в свободное от уголовных расследований время принимает пациентов в своем кабинете, как любой другой психолог. Ее территорией были прежде всего познания в криминальной психиатрии и судебной медицине. Кровь, требуха. Конкретика, как и у них.

— К сожалению, я понятия не имею. Я не знаю, какое место занимают дети в его плане, по какой причине они ему нужны и что он с ними сделает потом.

Повисло гробовое молчание. Они тут точат лясы, в то время как дети переживают ад. Иногда Абигэль представляла себе ребятишек, скорчившихся в клетках, голых, подвешенных на трехметровой высоте. А порой видела их лежащими на земле, с почерневшей кожей, рядком, как сардины в банке.

— Мы видим разительный географический контраст между местами похищений и теми, где обнаружены мизансцены. Фредди ищет именно этих детей, он отбирает их, знает их привычки, но не слишком хорошо, иначе не стал бы так рисковать с Алисой. Момент похищения он выбирает почти случайно, но действует без спешки. Он знает минимум о них благодаря социальным сетям, без деталей и подробностей. Это значит, что он не живет поблизости от этих детей. Он живет здесь, к северу от Парижа, где помещает свои чучела после каждого похищения. Почему же он отправляется за детьми так далеко? Почему выбирает именно их? Пересекались ли их пути в какой-то момент его жизни? Быть может, Фредди кочевал, прошел через все эти города, встречал этих детей, а в конце концов осел на севере?

— Что-то вроде ярмарочного торговца, ты хочешь сказать? — спросил Фредерик.

Тилье Ф.

Т 40 Сновидение : роман / Франк Тилье ; пер. с фр. Н. Хогтинской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-11708-2

Абигэль — выдающийся психолог, специалист, которого полиция часто призывает на помощь в серьезных расследованиях. Однако ее жизнь с давних пор омрачает нарколепсия — таинственная болезнь, из-за которой сны перепутаны с действительностью. Теперь Абигэль идет по следу человека, который уже похитил троих детей, и, похоже, вскоре у полиции будет четвертая жертва... Вопросы множатся, похититель где-то совсем рядом. Но кто он? Ответ хранится в памяти Абигэль — памяти, где реальность неотвратимо сжимается, как шагреновая кожа...

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
СНОВИДЕНИЕ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Светлана Федорова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.05.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4500 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

HRBD1973501R